

Михаил Павлов

Траектория гибкой пули.

Вы можете, конечно, сказать, что меньше всего читающей публике нужен рассказ на тему "В Америке мы сходим с ума со вкусом". Популярная тема в литературе двадцатого века. Все великие писали на эту тему, и все писатели заносили над ней топор.

Стивен Кинг. «Баллада о гибкой пуле».

Согласно статистике женщины значительно реже сходят с ума, нежели мужчины. Женщины реже кончают жизнь самоубийством, из ружья выпуская себе пулю в рот – или как-то иначе. Не суть важно. У женщин психика устойчивее. Быть может, дело в том, что они не так далеко сбежали от инстинктов, которые, между прочим, кое-чего да значили. Сохранили несколько невидимых нитей, оставшихся от того троса, что некогда связывал человека с первобытным прекрасным могучим Миром.

«Безумие должно где-то начинаться и куда-то идти. Как дорога. Или траектория пули из ствола пистолета», – так сказал один шестидесятилетний журнальный редактор. И он знал, о чем говорит, потому что сам отследил эту изломанную траекторию в своем простреленном мозгу и при этом выжил. Гибкая пуля. Если вы спустили курок, вам остается только стоять посреди крохотной обитой мягкой упругой тканью комнаты и ждать, когда пуля закончит рикошетировать о стены, потолок, пол или раньше просто убьет вас. Все в руках Божьих. Но так или иначе остается несколько вопросов... Когда Джейн Торп сошла с ума? Была ли она безумна этим утром? Или безумие сидело в ней все эти тридцать лет, незаметно, где-то под верхними слоями почвы, высверливало свой путь?

* * *

Поднялась с кровати Джейн рано, еще до того, как по-настоящему рассвело. Небо над Нью-Хейвенем, штат Коннектикут, просветлело до нежной прохладной лазури: Господь Бог застелил свою постель свежими простынями. Но только Джейн не выглядывала в окно, ее взгляду нечего было искать там. Пригородные пейзажи, пусть и осиянные утренней иллюминацией, мало интересовали ее. Она не спала почти всю эту ночь, и настроение было зловонно-ядовитое от невеселых мыслей, которые скисли в ее недремлющей седой голове. Она вообще мало спала последние годы. «У старух плохой сон, не так ли, бэби? – говорила Джейн сама себе. – Пусть тебе нет и шестидесяти, но твои волосы стали белой соломой, лицо оплыло, сморщилось, как съехавшая маска на Хэллоуин. Кожа всюду дряблая бледная с темными пятнами. Ноги... Где те быстрые ножки, на которые засматривался когда-то Рег, до того еще, как сделать тебе предложение? Живот свесился, ты похожа на кенгуру. Грудь обвисла двумя пустыми носочками для рождественских подарков... Да, бэби. Ты старуха. Тут уж ничего не поделаешь».

Джейн собрала на столе скромный завтрак и неспешно все пережевала, проглотила, выпила. Зубы у нее были свои. Прошла из кухни в комнату с телевизором (здесь она проводила большую часть времени, читала, смотрела телешоу, здесь она могла бы принимать гостей), на одиноком деревянном кресле в складках вязаного пледа нашарила пульт. Телевизор мягко щелкнул, забормотал голосами ведущих блока новостей, потом высветил на ожившем экране типовую телестудию, озабоченные лица мужчины и женщины, деловые пиджаки с петлицами микрофонов. Ни разу не поглядев на телевизор, Джейн вернулась в единственную комнату наверху (здесь она только спала), подошла к неубранной кровати. Окна занавешены (меж плотных штор просачивается линия солнечного света), помещение пронизано сумраком, полным глухой телевизионно-словесной шелухи (обрывочные фразы доносились снизу: кто-то родил тройню, кто-то кого-то изнасиловал, кто-то стал президентом, кто-то... еще кто-то... кто-то покончил с собой). Тусклое негреющее сияние экрана лишь подчеркивает этот полумрак. Кончив с постельным бельем и спрятав кровать под покрывалом, Джейн пересчитала лежащие на тумбе (слева от ночника и справа от книги, заложенной листком писчей бумаги) деньги: пара мятых десятков, несколько бумажек по доллару и мелочь. Смахнула все в сумку, побрела к чулану, в котором висела уличная одежда. Спустя двенадцать минут вышла из дома, заперла дверь, спустилась с крыльца, прошла стриженной лужайке, проверила почтовый ящик, нашла в нем газету, три рекламных брошюры и банковское уведомление о блокировании счета. Мысли в голове сплелись в нескольких крепких выражениях. «Каждый день – это ложка дерьма. Но сегодняшней, судя по всему, особо дерьмовый. Целый половник. Или даже ведро».

* * *

Поначалу дом в Омахе она просто бросила. Никак не могла заставить себя вернуться туда, когда физические раны зажили, и ее выписали из клиники. Жила в мотеле. Потом собралась с духом, позвонила в риэлтерскую контору, вывезла некоторые вещи, всего один раз появившись в их с Регом бывшем жилище. Естественно, она не зашла на чашку кофе к соседям-студентам, что жили напротив. Впрочем, уже было ясно, что сменить придется не только дом, не только круг общения, который и без того лопнул... Она села в машину (на заднем сиденье лежали четыре картонных ящика с одеждой, домашней утварью, дорогими предметами, только четыре ящика, которые она, замечая в зеркале заднего вида, каждый раз порывалась выбросить на обочину шоссе) и сбежала в Нью-Хейвен. Это было почти три десятка лет назад.

Джейн Торп вошла в укрытое зеркальным стеклом здание на ...авеню. Блеснули серебристые буквы над распахнувшейся дверью. За конторкой, погружившись в чтение каких-то бумаг, тосковал клерк лет двадцати пяти.

– Извините, молодой человек, к кому мне обратиться по поводу вот... этого. – Джейн положила на полированную гладь конторки полученное с почтой уведомление.

Клерк не поднял усталых глаз; не глядя, слабым жестом направил на дверь справа от себя. «Наверное, парень перебрал вчера в баре», – подумала она, неуверенно двигаясь в указанном курсе. За спиной раздалась тихая и последняя подсказка служащего:

– Подойдите к мистеру Форджери, он сможет вам помочь.

– Благодарю, молодой человек.

Джейн прошелестела мимо одинаковых офисных столов. Их было множество: за одними люди сидели по трое-четверо, за другими только тет-а-тет, за третьими работники банка, расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, наслаждались одиночеством. Стол с табличкой «Форджери Чарльз, старший консультант» (под фамилией красовался непримечательный логотип банка), кажется, хозяином был вовсе брошен. Поверхность его терялась под беспорядочными горами истрепанных анкет, бланков, договоров, выдернутых листков календаря за разные месяцы и даже... за разные года. А между печатными навалами лежали многочисленные бумажные стаканчики с коричневыми пятнами выпитого кофе. Под макулатурой несколько терялся даже пузатый грязно белый монитор компьютера, клавиатуры вовсе не было видно. «Этот Форджери либо решил сегодняшним утром покончить со своей никчемной незаметной жизнью, сбросившись со строительного крана, либо его именно сегодня наконец-то уволили отсюда. В любом случае, тебе исключительно везет, старая дева», – Джейн криво, без проблеска веселья, усмехнулась, собираясь вернуться к клерку за конторкой.

– Добрый день. Чем могу помочь, миссис?..

Он появился так внезапно, что Джейн подскочила от страха. Мужчина в строгом костюме, довольно высокого роста, осанистый, коротковолосый седой, с лицом актера, имя которого, сколько не щелкай пальцами, никак не вспомнить...

– Торп. Меня зовут Джейн Торп, и на мое имя сегодня утром пришло вот это. Можете что-нибудь объяснить?

– Присаживайтесь, прошу вас. Это займет несколько минут, – мужчина взял из ее рук уведомление и сел сам. Джейн последовала его примеру, с удивлением наблюдая, как этот человек четкими движениями руки смахивает со стола бумаги, смятые стаканы и пустую бутылку «Бушмилс»¹.

– А мистер Форджери...– решила она узнать судьбу самоубийцы.

– Да, это я, – оборвал ее служащий, включая компьютер. Поглядев на уведомление, он что-то быстро выстукал на клавиатуре. – Миссис Торп, ситуация весьма неприятная, но... простая. Ваш накопительный счет был предназначен, кроме всего прочего, для оплаты коммунальных услуг, которые наш банк производил с вашего разрешения сам. И вот спустя несколько лет денежная сумма на вашем лицевом счете принизила допустимый минимум. В соответствии с правилами было принято решение заблокировать ваш счет. Вы имеете право...

Джейн не слушала. Просто никак не могла вслушаться. Речь этого Форджери змеилась, ускользала, словно ящерица отбрасывая хвосты, если за них ее пытались поймать... Этот человек лжет, вот что она понимала. Уверенно, умело лжет. Старый актер из патристического кино про Вторую мировую или из семейного сериала. Насквозь ненастоящий, пустой и пластиковый, как манекен. Идеально уложенные блестяще седые волосы, такие и бывают у манекенов. «Бьюсь об заклад, этот парень не причесывается, поднимая голову от подушки по утрам. Нет нужды. Он не бреется, ни принимает душ – краска облупится». Джейн отлепила взгляд от застывшего с пластмассовыми морщинами

¹ «Бушмилс» – марка ирландского виски.

лица Форджери (только рот раскрывался и закрывался, сыпя словами) и медленно оглянулась по сторонам.

На нее *смотрели*.

Или точнее, за ней наблюдали. Следили. Люди в разных концах офиса. Они оторвались от бумаг, отставив работу, забыв о клиентах. Их одинаковые алмазной твердости глаза сканировали ее от каблучков туфель до серо-седой макушки, регистрировали каждое движение, каждое изменение выражения лица. Как загипнотизированная она повернулась к выходу, где за конторкой мучался приснопамятный клерк. Но тот уже сбросил с себя скуку, стоял весь собранный. Холодный взгляд его уперся в Джейн, рука держала у уха черную трубку телефона, губы что-то произносили в нее.

– Миссис Торп? С вами все хорошо?

Джейн вновь обернулась к старшему консультанту Чарльзу Форджери. Его физиономия не выражала участия.

– Вы меня слушаете, миссис Торп? Вы в порядке? – в голосе была только жесткость переплетенной и натянутой колючей проволоки.

Джейн была уверена, что по ее лицу неспешно блуждает дюжина красненьких пятнышек – лазерные прицелы. «Они смотрят на меня, они все смотрят на меня».

– Я... не в порядке, мистер, – она встала, чувствуя, как сильно дрожат ноги. – Мне здесь не нравится. Заблокируйте мой счет, закройте его. Мне не нравится ваш банк, ваши клерки. А больше всего мне не нравится ваша фамилия².

И она направилась к выходу. Под наваливающимся неотступным гнетом взглядов. Боясь, что сейчас кто-то незримый отдаст команду, и ее схватят, скрутят, закуют. «За что? Господи, за что?.. Что я им сделал? Почему они так *смотрят?*». Боясь, что неверные расплавленные ноги сейчас подогнуться, она просто упадет на этот пол и не сможет подняться от страха.

* * *

Дверь захлопнулась позади... Ключи от машины звенят в руке... Подол юбки защемило дверцей...

Джейн склонилась над рулем, прижав ладонь к месту под левой грудью. Старалась придержать старое рвущееся прочь сердце. В глазах темнело.

«Что же это такое? Во имя младенца Иисуса, что происходит, черт подери?!».

Она не замечала ничего вокруг, и люди, водители проезжающих автомобилей, полицейские в форме, обыкновенные прохожие, не обращали внимания на скорчившуюся в салоне своей машины старушку. Через несколько минут она поднялась, вытерла лицо салфеткой, которые всегда лежали в бардачке (предусмотрительность старости), и завела двигатель.

Город неспешно полз на машину, натываясь мягко на лобовое стекло и обтекал с двух сторон, тесно прижимаясь к боковым окнам. Деловой центр был мал и скоро остался позади. Джейн все никак не могла отойти. «Неподходящий возраст для подобных

² Форджери (от англ. «**forgery**») – подделка.

потрясений, бэби... Неужели это были какие-то галлюцинации?». Когда авто проезжало мимо зеленого парка, она решила остановиться и припарковавшись вышла. Скамейка около детской площадки ждала ее. Белоснежная чистая без выцарапанных ножом непристойностей, такие скамейки бывают только в рекламных роликах да в романтических мелодрамах. И сейчас не было ничего желаннее, чем устроиться на этом молочно белом чуде под теплыми лучами наступающего лета и успокоиться. Действительно успокоиться. Джейн Торп семенила по мощеной дорожке, уверенная, что скамейку непременно займет какая-нибудь мамаша с дочкой или со слюнчавым сынишкой. Но нет, она села. Подставила мелкие, но множественные мимические морщины яркому солнцу, глубоко вдохнула и со свистом выпустила воздух изо рта. Некоторое время сидела с закрытыми глазами, грелась. Потом стала осматриваться. Никто не смотрел на нее. На площадке играли дети разных лет. Самозабвенно пачкались в песке, скатывались кубарем с невысокой горки, висели на каких-то непонятных кольцах и т.д. Но внимание Джейн привлекла почему-то одна только девочка. В белом платьице с насыщенно синим кантом, она просто скакала через веревочку. И все. Просто долго, без остановок. При этом девочка слегка улыбалась, немного отрешенная, глядящая куда-то далеко... Ее прямые темно русые волосы при каждом прыжке взлетали, блеснув на солнце, и вновь падали, покрывая узкие плечи. «Красивая девочка», – подумала Джейн с завистью и умилением пожилого человека. Ее охватила грусть. Она стала вспоминать. Но не детство, не юность даже, а то время, которое они с Регом провели вместе. То время, которое они были счастливы – и нет. Джейн не хотела вспоминать, но не могла прекратить. К тому же вид красивой девчужки вселял в нее неясную тонкую неприязнь, легкий душок подозрительности... В ее памяти все было залито кровью. И это была не ее кровь, не кровь мальчика Джимми, не кровь домработницы Гертруды. Это была кровь Рега Торпа. А, если точнее, кровь третьей группы, которая принадлежала Регу Торпу, но могла бы принадлежать еще кое-кому. То есть, возможно, в этой ванне, заполненной тягучей свернувшейся и пахнущей жижей, была капля крови другого существа. Другого, крохотного, вышедшего из врат безумия... Сколько прошло минут (часов?) до того, как Джейн сумела подняться и все еще в облаке притупляющего гипноза заковыляла к машине? Продолжала ли тогда та странная девочка прыгать через вращающуюся веревочку в своих руках?

* * *

Джейн сидела на кухне за столом, укрытым скатертью, и мелкими глотками отпивала кофе из чашки. Вот только кофе давно остыл.

«Может быть, позвонить Генри?.. Это единственный человек, который смог бы помочь... Просто потому что сам прошел через это. Они оба прошли. В разных местах, в нескольких часах пути друг от друга, но испытали они одно и то же. Как там говорил Генри... Гибкая пуля. Да, это была перестрелка гибкими пулями. Для Рега она закончилась смертью. Для Генри – падением в реку Джексон, что в западной Пенсильвании и шестью месяцами клиники под заботливым приглядом психиатров. Я тоже довольно долго провалялась в больничной палате с раздробленным локтем и глубокой царапиной на левой стороне черепа – если бы пуля прошла хотя бы на долю

дьюйма правее, я была бы мертва. Есть еще чернокожая Гертруда Рулин с несерьезной раной на лодыжке и ее сын, этот проклятый мальчишка с его простреленной задницей. Впрочем, он конечно ни в чем не виноват. Он... на него просто что-то нашло. Его... Господи, не надо об этом думать. Не надо!

Это было наше дело, нас троих. Гибкая пуля Рега Торпа рикошетила в комнатке с тремя углами.

Бог Иисус! Неужели эта пуля все еще летит!..».

По правде говоря, Джейн побаивалась звонить Генри. Да, у них было несколько встреч в кафе, очень откровенные беседы: они обсуждали собственное сумасшествие. Они не знали тогда, как снова начать жить. И это объединило их, они дали друг другу надежду. Джейн даже думала, что испытывает к Генри Уилсону нечто большее, чем дружескую симпатию. Или просто, что этой дружеской симпатии может хватить на создание хотя бы какого-нибудь подобия семьи. Но... На деле все вышло как-то иначе. И Джейн уже лет семь не звонила Генри, а не виделась с ним и того больше, хотя и жила в трех часах езды от Нью-Йорка. Она знала, что его дела в порядке и мерно двигаются в гору. И она не хотела, чтобы он знал, как ее дела. Возможно, он смог начать все заново – она не смогла. Джейн писала картины. Так сказать, подавала надежды. Даже какие-то выставки организовывала... Но опять на деле получилось не так, как представлялось тридцать лет назад.

Джейн так и не призналась себе, почему на самом деле покончила с живописью.

Скажем так, у нее иссякло вдохновение.

«Генри мог бы понять... Но как же я ему позвоню? Наберу его номер, послушаю гудки и, когда он снимет трубку, скажу: «Алло, Генри, привет, как твое здоровье? Знаешь, я, кажется, опять схожу с ума»? Вряд ли ему захочется снова иметь с этим дело, прикасаться ко всему этому... Безумие, оно ведь жутко заразно».

В этот момент лампа над головой мигнула. Джейн недоуменно поглядела вверх. Свет резко усилился, из уютно золотистого превратился вдруг в нестерпимо яркий колючий белый. Джейн показалось, что она слышит, как что-то звенит и потрескивает от возросшего напряжения... Через секунду все было по-прежнему.

«Это невозможно и глупо... Но на миг мне представилось, как что-то *большое* и злобное проползает по проводам.

Что за черт?».

Электрическая лампочка накаливания не ответила.

Джейн Торп поднялась со стула, подошла с чашкой к раковине, вылила в нее холодный кофе. Пошла смотреть кабельное. Когда она уже собиралась устроиться в кресле, в дверь позвонили. Старуха вздрогнула от испуга. К ней кто-то наведалься, что было само по себе неожиданным и редким событием. Джейн подошла к двери, стараясь ступать неслышно. Выглянула в небольшое занавешенное оконце справа, – перед домом стоял паренек с набитой сумкой на длинном ремне через плечо, почтальон. «Ну да, кто еще мог нагрять ко мне... Но почему почтальон пришел так поздно? Может быть, у него что-то срочное, специальное для меня... Как же не хочется открывать». Письмоносец поглядел на оконце и приподнял бровь, заметив встрепенувшуюся занавеску и отпрянувшую тень, подождал и позвонил снова. «Чего я боюсь? Неприятных известий? Или мне правда кажется, что от

парня исходит угроза? Рег говорил, что все почтальоны на самом деле агенты ФБР или АНБ... Но это, конечно же, неправда, зачем правительству следить за мной? Но кто в таком случае были те люди в банке?! Почему они все уставились на меня, как камеры видеонаблюдения! И кто этот парень, он что новенький, я первый раз вижу этого почтальона!.. Почему так странно улыбался девочка в парке? *Девочка в белом платье?* При чем тут девочка в белом платье?!». Джейн едва не рыдала, сильно закусив губу. Ее личность раздвоилась. Одна Джейн просила другую впустить почтальона, потому что, если ты не впускаешь обыкновенного почтальона в дом, то значит, у тебя какие-то проблемы с головой. Это точно. Вторая Джейн бесновалась в ее голове, скакала, билась о стенки черепа. Требовала запустить стулом или тяжелыми часами в этого типа с сумкой для писем, разmozжить ему чертову башку. Требовала забаррикадироваться в своем доме, ведь это ее право, Боже, храни Америку! Требовала что-то сделать и не предпринимать никаких действий на всякий случай...

На миг вновь погасла лампа.

Потом снова зажглась, впившись в шурящиеся глаза мириадами остроконечных игл. Опять в ушах повис нарастающий жужжащий звук. «Оно проталкивается по проводам!..». Джейн пригибаясь, подскочила к стене и ударила ладонью о выключатель. Жужжание ослабло, но свет еще горел на кухне. Она споткнулась в дверях, ударившись о порог, и скривившись от боли, с размаху ткнула в следующий выключатель. Свет погас окончательно, первый этаж мгновенно потонул в полумраке, но посторонний шум не прекратился. Он стал дальше, углубился, будто звенели стены. Или провода в стенах... «В подвале генератор», – подумала Джейн, и звук тотчас исчез.

* * *

– Дело ваше, миссис Старая Сука. Миссис Я-Боюсь-Что-Меня-Изнасилует-Почтальон, – прибормотал молодой разносчик писем и побрел прочь от этого дома.

* * *

Обе Джейн были крайне напуганы. Но одна держалась за нормы поведения. Вторая разрывалась безумными идеями. Выиграла вторая, потому что первая просила, а она требовала.

В доме вытянулась во весь рост долговязая тишина...

– Все, бэби. Успокойся. Ты не сошла с ума. Не надо обо всем этом думать. Представь, что всего этого вообще не было, даже – в фантазии, – тут Джейн заметила, что говорит сама с собой вслух, и поняла, какой у нее скрипучий голос. Вздохнув с грустью, она поплелась наверх. В спальне переделалась. Повесила в чулан уличную юбку и кофту, зацепилась за что-то впотьмах локтем... Впрочем, понятно, за что. В чулане прислоненный к стене стоял мольберт, накрытый одеялом пушистой пыли. «Нет, на сегодня хватит воспоминаний». Джейн укуталась в длинный халат и спустилась вниз, села в кресло, взяла морщинистой рукой пульт дистанционного управления... Но не смогла заставить себя включить телевизор, испугалась того неживого яростного света, который выплеснется на нее с широкого экрана... Так и сидела в сгущающейся мгле.

«А я ведь собиралась съездить за покупками. Ну что ж, денег у меня теперь почти нет. Нужно экономить. Впрочем, все равно хватит максимум на месяц», – отчего-то это ее не волновало. Что-то происходило в ней. Поверхность успокоилась, покойное течение, волн нет... Но там в глубинах, где свет вязнет и исчезает, там в тягучем мокром холоде что-то жило, что-то росло, пожирало тварей поменьше... Кажется, Джейн задремала, отодвинувшись от реальности и времени... Потому что как-то вдруг окончательно стемнело. «Что ж, пора спать. Тем лучше. Этот несуразный день должен был когда-то закончиться».

Закряхтев от натуги (расслабленное тело, хоть и устав от неудобной позы, не очень-то желало вставать) Джейн встала с кресла, опираясь о локотки. Одинокó пошаркала в темноте к деревянной лестнице, поднималась медленно, крепко со страхом свалиться цеплялась за перила. А когда зашла в комнату, в которой спала, зачем-то закрыла дверь на замок, хотя никогда раньше этого не делала. От кого ее мог защитить хлипкий замочек? Сделала это, не задумываясь. Все так же не зажигая свет, сменила халат на просторную пижаму... Вдруг усмехнулась (губами и глазами), засветила лампу на тумбе близ кровати и выволокла из чулана сначала мольберт, затем картон, подрамник с холстом. Установила треногу и все иже с ней, уселась довольная на заправленную постель. Ночник окрашивал спальню в цвета бронзы, по углам таились тени. «Бог Иисус, что я делаю! Я же поклялась много лет назад больше не притрагиваться к этому дерьму! Боже, дьявол, Боже...». Только что она глядела на чистый желтоватый холст в интригующем будоражащем ожидании, так же как когда-то давно... Когда у нее было вдохновение, когда она еще не выгнала вдохновение из своей головы, однажды ужаснувшись ему. Когда она «подавала надежды».

Старуха вскочила. Словно призрак или жуткая сказочная ведьма, кинулась к комоду, выхватила из ящичка длинные портновские ножницы. «Я не буду больше заниматься этой дрянью! Нет, не буду!». Занесла ножницы над полотном как нож.

– Это дерьмо как наркота... Это дерьмо... Это дерьмо... как безумие.

Рука трепетала, теряя силы. По морщинам искривленного лица побежали золотистые струйки слез. Со звериным рыданием Джейн отшвырнула ножницы от себя, они ударились о дверь, хищно лязгнув, упали на пол. Джейн, ослабев, опустилась на кровать...

Лампа на тумбе внезапно с пчелиной угрозой зажужжала, вспыхнула ярче, будто потянулась колючими лучистыми коготками к заплаканному старушечьему лицу. Джейн с криком ужаса, боли, гнева рванулась к ночнику, схватила, сорвала абажур, дернула со всей яростью, которую нашла... Гротескные крылья теней прыгнули на стены, искривились, – и тьма мгновенно забила собой комнату.

Шорохи сминаемого постельного белья, подушка с глухим шумом упала с постели. Невидимая никем Джейн долго плакала прежде, чем сумела заснуть.

* * *

Ей что-то снилось. Что-то... Рваные куски памяти, незаконченные мысли, невысказанные ненужные никому слова.

Среди ночи она очнулась на минуту. Вздернулась на кровати (слишком резко для ее старого тела), закашлялась. Поняла, что снова плачет. И тут вспомнила...

Вспомнила девочку, скачущую через веревочку, и ее платье – белое с синим кантом.

Вспомнила эту девочку, виденную вчера днем в парке, в городе Нью-Хейвен, штат Коннектикут.

Вспомнила эту девочку, виденную не раз на той улице, где они поселились с Регом, перед одним из этих чудесных белых домов, в городе Омаха, штат ... , в 1969-ом – почти двадцать лет назад.

«Мать твою...», – пробормотала она, обращаясь к стоящему над ней мраку.

Так и сидела, глухо вздыхая в тишине; перебирала как четки вереницу событий. Потом встала, когда поняла, что сама собой уже не уснет. Нашарила ногами глубокие тапочки, подошла к двери. Задумалась на секунду, но все ж открыла, заковыляла вниз, на кухню, за стаканом воды.

Минут через двадцать вернулась. Трудно и долго привычные вещи делать без освещения. Сидя на кровати, нащупала в ящике тумбы баночку со снотворным, запила несколько больших таблеток холодной водой. Улеглась вновь, на бок, глядя на смутно белеющее в темноте полотно на мольберте. Постепенно начинало казаться, что на полотне то ли пляшут чертики, то ли что-то размашисто написано... Прочитать Джейн ничего не сумела или не успела. Снотворное подействовало.

* * *

Странно, но проснулась она от солнечных бликов, осторожно и нежно касающихся ее век. Ощущение было приятное, забытое давно... и опять же странное.

А странность вся заключалась в том, что Джейн никогда не раскрывала штор в этой комнате.

В голове сидел паук, и его звали Боль. Он был механический, из металла. Он сучил острыми хромированными лапками, наматывая на них свою вязкую слоющуюся паутину – нервную ткань мозга...

«Что за мысли с самого утра, бэби! Немедленно прекрати! – строгий голос, как у учительницы, любящей своих учеников. – А шторы я отодвинула ночью, наверное. Просто не помню этого».

На самом деле она была рада солнцу. Сверкающее золото вливалось в эту серую безжизненную комнату и хотя бы чем-то наполняло ее. Джейн вновь прикрыла глаза, легко вздохнула, собираясь еще чуть-чуть подремать... и тут услышала быстрый-быстрый перестук по дереву. «Что это?». Глаза раскрылись, по комоду промелькнул крохотный силуэт, дробно простучав по его деревянной поверхности маленькими ножками. «Блохастый бездомный кот или крыса? Нет, меньше... Может, мышь? Ну не маленький же человек как показалось...».

– Эй, мистер? – ласково позвала она. Джейн наблюдала за комодом, приподнявшись на локтях, но движения не последовало. Тогда она бросила мимолетный взгляд на мольберт, стоящий в четырехугольнике солнечного света, и хотела было снова лечь. Но мольберт привлек ее внимание. А точнее, холст. Он хоть и оказывался в тени, но блестел. Крошечные волшебные искорки пробегали по нему то тут, то там. С изумленным выдохом Джейн выбралась из одеяла и шагнула к треноге. В дальнем конце спальни справа метнулась по полу тень... Джейн не повернулась на звук стремительных шажков.

Оказалось, что готова палитра, краски натерты и, влажно поблескивая, стоят рядом. Приготовлены кисти.

«Это сон?..».

Джейн Торп опасно коснулась полотна кончиком указательного пальца, посмотрела. На подушечке остался тонкий слой блестящей пыли. Даже не тонкий слой, а несколько переливающихся блесков. И Джейн, взявшись за края подрамника... развернула холст к солнцу. Холст вспыхнул. Ослепил ее старые глаза, заставил зажмуриться и долго моргать с одурелым видом. Словно сияющий порошок вылетел из трубы под напором и залепил лицо. «А вдруг у меня на него аллергия? Тогда я буду чихать, и у меня покраснеет нос», – пришла в голове дурацкая мысль.

«И все-таки что все это значит? Неужели я сама могла ночью подготовить все это? Но для чего? Мне ведь совсем не хочется вновь браться за живопись...».

Совсем не хочется?

«Не хочется». – Джейн направилась в ванную.

Тихо взвизгнул вентиль. Заговорила вода в кране. Хлюпнул на старую ладонь плевок жидкого мыла...

Семь секунд. Она выдержала семь секунд. И через семь секунд Джейн, поспешно вытирая руку полотенцем, торопится к мольберту. Теряет тапочку и не замечает этого. «Вдруг он угаснет! Я же себе этого никогда не прощу!». Влажное полотенце брошено, не глядя, под ноги...

* * *

Рука скользит перед полотном. Кисти нет. Краски идут прямо из длани: она пишет картину своей разноцветной радужной кровью. И это прекрасно! Годы сошли с нее как очищающая снежная лавина, и она бела, чиста, идеальна. Она наконец-то прозрачна и проста как хризолитовый кристалл.

Как же она могла существовать без этого? Без этой всеобъемлющей и главной свободы отдаться потоку властного ветра, отдаться в рабство. Без этой вечно новорожденной молодости, будучи...

* * *

...такой старой.

«Что я...?».

Джейн моргнула и как будто впервые поглядела на то, что писала. И ужаснулась.

Человек, мужчина со встрепанными волосами склонил голову вперед, словно в приветственном кивке или в молитве. Отчего лица его не видно, только лоб, брови и кончик носа, но и без того понятно, кто это... Мужчина приставил к середине своего высокого красивого лба удлиненный воронено-черный ствол пистолета, он уже нажал на спусковой крючок, и летят пороховые газы, падает горячая гильза. Над затылком мужчины выбивается мощный темно багровый фонтан, поток безумного разорванного мозга... Выходное отверстие всегда заметно больше входного.

На заднем плане колышущаяся пурпурная мгла, в ней строгие силуэты наблюдателей, страшные вытянутые рожи ужаса, цепляющиеся раздирающие ладони паники, тощие переплетшиеся ноги страха, выдавленные глаза сумасшествия.

«Господи, зачем? За что?..».

Джейн шарахнулась от холста, натолкнулась на кровать, упала на нее с искаженным содрогающимся лицом. Отвернулась, прячась в смятом постельном белье. «Не видеть, только бы не видеть этого!». И она развернулась, срывая с кровати простыню, швыряя ее вверх... Простыня выгнулась парашютом и накрыла мольберт, прилипнув к влажному от красок полотну. На тонкой материи проступили кровавые пятна.

* * *

Около получаса спустя Джейн Торп в блузке и джинсах выходила на лужайку перед своим домом, держа под мышкой несколько неудобных не больших, но громоздких свертков. Обернутый плотной бумагой квадрат, и продолговатый пакет вроде тубуса остались лежать рядом с мусорными баками. Старушка Джейн же вернулась к дому, чтобы запереть дверь, и пешком двинулась куда-то вдоль улицы. Обыкновенная старушка, решившая немного прогуляться.

Выходное отверстие всегда заметно больше входного.

«Черт подери, но я же не видела этого! Я отключилась!».

...по комоду промелькнул крохотный силуэт, дробно простучав по его деревянной поверхности маленькими ножками.

Она прибавила ходу, будто куда-то спешила или пыталась от кого-то сбежать. Но вскоре одернула себя, ей все же не хотелось выглядеть глупо. Пошла медленно, стараясь не ловить взглядов прохожих.

В дальнем конце спальни справа метнулась по полу тень...

«Как же противостоять этому? Как будто мозг разлагается заживо... Что противопоставить безумию?».

Выходное отверстие всегда заметно больше входного.

На перекрестке она, не задумываясь, свернула направо. Наверное, потому что была правой, – это называется правилом ведущей руки. Возможно, были другие причины. Автомобильное движение спокойное и редкое. Прохожих чуть больше: девушки-блондинки с фигурами и умом куколок «барби», прыщавые коротко стриженные парни в мокрых от пота футболках, мальчишки с пластмассовыми бластерами (Джейн передернуло), девочки с родителями... Кто не хочет погулять в такой погожий день!

Джейн перешла очередную дорогу и повернула налево.

– Миссис Торп, ситуация весьма неприятная, но... простая.

– Мне не нравится ваш банк, ваши клерки. А больше всего мне не нравится ваша фамилия.

Через какое-то время она вышла к парку, здесь было довольнолюдно. На зеленой траве то тут, то там разместились счастливые семейства или просто компании друзей, выбравшиеся на пикник. «Какой сегодня день недели?». Кто-то бросал в небо мяч, кто-то пытался запустить воздушного змея. Здесь царили смех, суетливое веселье, расслабленная радость уикенда с банкой-другой пива. Джейн побрела еще медленнее. Повторяя свой вчерашний путь по мощеным дорожкам, она нашла детскую площадку. Чудесной белоснежной скамейки не было и в помине.

...внимание Джейн привлекла почему-то одна только девочка. В белом платьице с насыщенно синим кантом, она просто скакала через веревочку. И все. Просто долго, без

остановок. При этом девочка слегка улыбалась, немного отрешенная, глядящая куда-то далеко... Ее прямые темно русые волосы при каждом прыжке взлетали, блеснув на солнце, и вновь падали, покрывая узкие плечи. «Красивая девочка», – подумала Джейн...

Конечно, она не остановилась и ни у кого ничего не спросила ни о бесследно исчезнувшей скамейке, ни о девочке в белом платье с кантом синего цвета. Она кружила по парку, будто надеялась найти эту пропажу. Ноги гудели, она вовсе не привыкла ходить так подолгу. Но она бродила, усталая, сгорбленная, пока не почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Оглянулась по сторонам – ничего. Кто-то бросает мяч, кто-то пытается запустить воздушного змея и все такое. Джейн продолжила блуждания, подумывая уже присесть на какую-нибудь другую скамейку... но ощущение постороннего взгляда, ползающего по спине, затылку, иногда по груди и лицу, только усиливалось. Она стала поглядывать по сторонам искоса, как бы ненароком.

И начала замечать.

Люди разного возраста и пола лежат на покрывалах, шутят и смеются, уплетая хот-доги. Один из мужчин улыбается, держа хот-дог у рта, но глаза его устремлены на Джейн, и в них нет никаких чувств. Через мгновение он поворачивается к друзьям, и во взгляд его возвращаются чувство и мысль.

Женщина в больших очках с толстыми линзами остановилась на мощеной дорожке в десятке шагов позади Джейн, руки ее панически шарят в объемной сумке – наверное, потеряла ключи от машины. Но почему ее лицо вдруг поднимается, и сквозь выпуклые линзы очков в Джейн тычется ее долгий бесчувственный взор.

Ребенок бежит по траве, держа в руке моток бечевки. За его спиной поднимается к палящему летнему солнцу цветастый ромб воздушного змея. А малец выворачивает шею, чтобы посмотреть не на небо, не на змея, а на какую-то непримечательную старуху, замершую, обомлевшую...

В коленях родилась дрожь и волнами побежала по ногам вверх. Джейн покачнулась и, чтобы не упасть, пошла. Прочь из парка. Прочь от толпы. В ней всегда есть наблюдатели. Прочь от людей. Запереться дома. Никого не впускать. Не выходить.

Спешно, как могла, она покинула парк, только за ней все равно следили. Будто что-то, незримое, нематериальное, скачет над ней от одного человека к другому, используя их глаза, чтобы наблюдать. «Но что это за проклятое нечто?!».

Ответ пришел сам, всплыл с илистого дна, вынырнул: *они*.

«Помнишь, что ты сама говорила Генри давным-давно? «...может быть, Рег был прав насчет *них* тоже? Только *они* вроде как плавают вокруг, время от времени ныряют кому-нибудь в голову и заставляют этого человека делать всякую грязную работу, а потом выскакивают, и тот человек, в котором *они* жили, говорит удивленно: "Я? Что я сделал?"».

Джейн все шла и шла, понимая, что от такой слежки не оторваться, будь она хоть девушкой Джеймса Бонда, а не престарелой художницей, бросившей свое ремесло. Наконец она резко свернула и зашла в супермаркет. Ощущение надзора исчезло. Здесь было прохладно от работающего кондиционера. Джейн медленно двинулась меж рядов с полками, набитыми продуктами. Она собиралась провести здесь минут сорок.

«Нет, бэби, ведь Рег считал, что *они*, эта странная загадочная организация, следят за ним, пытаются подкопаться именно к нему, а точнее, к таким как он... Им нужны не люди. Рег боялся, что *они* хотят убить его форт...».

Посетителей в супермаркете почти не было, и человек за кассой, он же наверняка хозяин заведения, отложив журнал дешевого порно, заинтересовался странной пожилой дамой, внимательно и настороженно наблюдая за ней через выпуклое зеркало над своим рабочим местом. Впрочем, при этом он не походил на робота, отслеживающего местоположение цели, и это главное. Поэтому Джейн не спешила, обходя отделы с разнообразной снедью. В молочном отделе ее обдало холодом, которым дышали холодильники открытого типа, и она вздрогнула. «Нужно все же приобрести какую-нибудь шоколадку, чтобы не расстраивать несчастного продавца». Оказалось, задумавшись, она задержалась в алкогольном отделе, долго глядя на множество разнообразных бутылок с множеством разнообразных этикеток.

– Я могу вам помочь, мэм? – в голосе продавца слышалось нарастающее раздражение. «Похоже на электричество, не так ли, бэби?».

– Спасибо. – Джейн помотала головой и улыбнулась. – Я возьму это.

В ее руках оказалась бутылка мартини.

Джейн подошла к напряженному продавцу с его выпуклым зеркалом и кассой. Немного смутившись, он назвал цену бутылки, Джейн положила перед ним деньги. И когда мужчина уже протянул за ними руку, накрыл их ладонью, он вдруг замер. На миг. Утробно икнул и с оступевшим бессмысленным лицом посмотрел в торговый зал. Потом на Джейн. Глаза у него были с красным ободком, слезящиеся и пустые. А где-то в сердцевине зрачков сидел наблюдатель...

Джейн отпрянула, не взяв бумажного пакета для бутылки, не дожидаясь сдачи, и поспешила к выходу. Продавец ее не окликнул. Ее вновь обнаружили, а, возможно, и не теряли из виду вовсе. Может быть, *их* невозможно обмануть.

«Но ведь они охотятся за этими крохотными эльфами удачи, придуманными Регом, – за форнитами. Возможно, у Рега был форнит. Возможно, у Генри был форнит, Беллис. У меня-то нет форнита!».

...по комоду промелькнул крохотный силуэт, дробно простучав по его деревянной поверхности маленькими ножками.

В дальнем конце спальни справа метнулась по полу тень...

* * *

Громогласно хлопнула входная дверь, и она обрадовалась этому звуку. Торопливая дрожащая рука повернула в замке ключ и положила его в карман. На всякий случай. Опухающие ступни расстались с обувью и, бесплодно умоляя прилечь прямо тут на диване около кресла и телевизора, понесли ее сначала на кухню (оставить на столе бутылку мартини), потом с упорством альпиниста по лестнице в спальню. Джейн задержала шторы, и, осторожно одну из них отодвинув, поглядела на улицу. Пустынная как всегда дорога, ни одного прохожего по эту сторону. Мусорные баки стоят нетронутые, рядом оставленные еще утром свертки. Постояв немного, Джейн сходила вниз за стулом, и продолжила надзор уже сидя. Она была уверена, что наблюдатели проявят себя. Утерев

связующую ниточку с временной действительностью, она думала лишь о том, чтобы не выдать себя и не пропустить очередного шпиона, который появится, обязательно и скоро. Но на самом деле прошло более полутора часа прежде, чем Джейн посмотрела на загорелого мужчину в широкой рубашке с коротким рукавом и шортах. Он двигался по дорожке для пешеходов, резко останавливаясь перед каждым домом, и крутил головой как болванчик. В волосатой руке он сжимал какой-то смятый журнал. Это был продавец из супермаркета.

«Зачем *они* притащил его сюда? *Они* ведь и без того знают, где я живу. Интересно, ему хотя бы дали запереть свой магазин?».

Продавец затормозил перед ее домом, не переставая глупо вертеть башкой. Вздрогнул, дернулся к бакам и бросил свой журнал поверх крышки одного из них. Развернулся, потарачился на окна, покачиваясь, будто слабей. И как-то вдруг сник, посмотрел себе под ноги, потом медленно по сторонам. Наконец, явно дезориентированный, приложив ладонь ко лбу побрел дальше.

Джейн даже усмехнулась. У парня был такой жалкий вид. Она-то знала, что с ним произошло, а он нет. Если б он узнал, если б она ему рассказала... он бы, конечно, назвал бы все это безумием. Может, это на самом деле *безумие*.

«Кто такие сумасшедшие? Мой муж был сумасшедшим. А еще он был писателем, здорово прославившимся после издания первого романа, по которому даже неплохой фильм сняли... Он был психом и писателем. Впрочем, возможно, это одно и то же. Да, наверное, за это можно зацепиться. Кто такие писатели? Выдумщики, так? То есть в головах, наполненных сигаретным туманом, окруженных сеткой разбегающейся взбудораженной кофеином крови, – в этих, прямо скажем, не вполне здоровых головах появляются... кто?.. форниты?.. нет, скажем так, образы. Да, образы: фигуры, лица, фразы, события, места. Всего этого на самом деле нет. В этих головах живут полчища других людей, у каждого при том свои проблемы, свои дела, своя идея фикс. Попахивает шизофренией, не так ли, бэби? Долбаное раздвоение личности?»

Да, очень похоже. А форниты Рега... У них ведь есть какой-то волшебный порошок вдохновения, которым они опыляют клавиатуру печатных машинок. Думаю, этим порошком, *форнусом*, можно опылить не только клавиши «ундервуда» или той старинной конторской модели, которая была у Рега... Думаю, этим *форнусом* можно, например, опрыскать полотно художника да и краски в придачу. Не знаю, как он выглядит, этот *форнус*, но сдаётся мне, у него золотистый цвет, и похож он больше всего на тонкие мелкие блестки».

Джейн все так же внимательно высматривала все происходящее снаружи. На другой стороне улицы собралась стайка ребят, они сидели кружком на газоне одного из соседей Джейн и, кажется, во что-то играли. И, наверное, каждый из кучки ребятни, то мальчик, то девчонка, поднимал однажды голову, чтобы несколько секунд посмотреть странными недетскими глазами на противоположный дом, окно на втором этаже, дрожащую занавеску...

Абсолютно неслышно за спиной у Джейн открылась окрашенная белым деревянная дверь чулана.

«Эй, подожди. Неужто ты признаешь, что сошла с ума. Пусть даже все писатели, художники и поэты (эти уж точно) – психи по натуре своей... В этом-то нет ничего удивительного, писатели-алкоголики, художники-извращенцы, поэты-наркоманы – это привычно. Главное, ты лично признаешь себя сумасшедшей?».

Выходное отверстие всегда заметно больше входного.

Справа налево по дорожке для пешеходов прогуливался незнакомец. Он не походил на зомби, но украдкой поглядывал на дом Джейн. И опять этот взгляд.

Они смотрят на меня, они все смотрят на меня.

Одет незнакомец был неброско, летний наряд желто-бежевых тонов. Но сразу было видно, что его цвет – серый. Не туманный, аморфный серый. А шершавый, как бетон. Жесткий. Давящий, как его глаза, которых Джейн и не видела вовсе с такого расстояния. Она их просто чуяла. Мужчина был из того сорта, который не заметишь в толпе, но если однажды обратишь внимание, не забудешь. «Возможно, в этом парне кто-то из них живет постоянно. Он похож на главного, на регулятора среди них, не так ли, бэби?». Незнакомец пересек дорогу, повернувшись к окнам Джейн спиной. Прошел мимо детворы прямо в дом. Джейн пылливо ждала. Он вышел через пять минут вместе с немного знакомым Джейн человеком, бородатым упитанным хозяином дома, мужем и отцом. Незнакомец ничего не говорил и не смотрел больше через улицу. Он вытащил из кармана брюк что-то, то ли рацию, то ли спутниковый телефон, и, приложив к уху, двинулся прочь. Справа налево по дорожке для пешеходов. Полнотелый сосед-бородач стоял прямо и не двигался, слепыми глазами уставившись прямо перед собой. Так же уставились и все до одного дети, рассеявшиеся кружком на газоне. Джейн подумала: «Что, черт подери...».

В тот миг за ней что-то громко щелкнуло.

«Клац!», оглушившее ее в тишине.

Джейн встрепенулась, обернулась и заметила растворенную дверь в чулан. С плеч заскакала крупная, как кукуруза, дрожь. В комнате было темно, в чулане еще темнее, и поначалу она ничего не разглядела, но... Но обманывать себя было глупо: она, супруга покойного писателя, отлично знала этот звук. И еще она помнила безумные рассказы Генри Уилсона.

«Клац!» снова вылетело из тьмы, застывшей в дверном проеме.

Вылетело, будто пуля.

«Я знаю, что это за пуля», – подумала Джейн и шагнула к чулану, прищуривав веки. Пообвыкнув к темноте, можно было рассмотреть на полу чулана пишущую машинку с заправленной фосфоресцирующей бумагой. Именно та пишущая машинка Рега со стеклянными окошечками по бокам корпуса. Полицейские протащили ее по дюжине судебных экспертиз, отмыли от крови (крови третьей группы) и вернули вдове. Именно она лежала в одном из четырех ящиков на заднем сидении, когда Джейн покидала в спешке Омаху. Она больше всего давила предметной памятью, и не позволяла ни выбросить себя, ни забыть.

«Клац!».

Джейн схватилась за дверь и с размаху ударила ею по косяку. Нет, она не хотела видеть, как крошечные ручки, протискиваются меж клавиш и бьют, сжимая кулачки. Она этого не вынесет. Хватит Генри, спившегося и едва не покончившего с собой редактора.

Дверь в чулан захлопнулась, но из-за нее послышались громкие автоматные очереди: «кляц-кляц-кляц-кляц». Тогда Джейн закричала. И стала бить ногой по не повинному ни в чем дереву, давным-давно окрашенному в белый цвет.

– Я не хочу! Понятно вам?! Не хочу! Я не хочу! Я не хочу! Я не хочу! Я не хочу!

Крик выбивался из нее, как обезумевшая спросонья стая летучих мышей из глубокой каменной пещеры выносится в вечернее остывающее небо. Одна за другой, одна за другой... И как-то все сразу черным скопом. Да, именно черным был ее крик.

Потом она отступила, сникла на кровати, нестарая ведь еще женщина, хоть и выглядит такой... Тишина над ней звенела, трепетала напряженно, угасали в ней звуки женского крика. Джейн не плакала, хотя лицо ее покраснело, а черты исказились. Дрожь била все ее тело, будто частой плетью. Она открыла ящик тумбы: там было не только снотворное, но и антидепрессанты в пилюлях и в ампулах. Упаковка одноразовых шприцев тут же. Вся внутренность тумбы была заставлена сильнодействующими фармацевтическими препаратами. Джейн смотрела туда долго и через какое-то время закрыла ящик. Позволить себе немного отдыха таким путем отчего-то не хотелось...

Зазвонил телефон. Наверху аппарата не было. Аппарат был только внизу, стоял на журнальном столике у кресла. Собравшись Джейн встала, пошла было к выходу... вернулась, подперла дверь в чулан стулом, приставив спинку под ручку. Всколыхнула штору, метнула мимолетный взгляд в окно и остановилась. Рука придерживала плотную занавеску. «Мусорщики? Они не приезжают в такое время. Как и почтальоны». Завернутого в бумагу мольберта и холста с подрамником у мусорных баков не было.

«Я скажу: "Шериф, мой мусор был украден неизвестными лицами. В ходе преследования им удалось скрыться"».

«Шериф поправит свою полицейскую звезду на рубашке, прикоснется двумя пальцами к полям шляпы, скажет: "Мэм, по-моему, вы сошли с ума"».

«И я отвечу: "Да, сэр. Большое спасибо, сэр. Так и есть"».

В деревянном нутре дома уныло и глухо висел телефонный трезвон.

* * *

Как пришла ночь, она не заметила. Вообще мало замечаешь, когда лежишь в одной комнате с зашторенными окнами и только внимательно слушаешь что-то в глубине тишины. Последний день (или два?) она как-то мало обращала внимание на такую вещь как время. Времени будто бы и не было вовсе. Как случается в кошмарах, которые длятся, длятся, длятся. А на деле проходят всего лишь секунды. Секунды, растекшиеся, словно плавленный пластик, размазанные, приклеившиеся к ребристой подошве кожаного ботинка, который несет на своей ноге Вечность.

Джейн слушала. И слышала многое. Ей не казалось странным или, тем более, невозможным, что она разбирает в тишине разнообразные звуки...

– Вау-вау-вау, – так шумит игрушечный лучемет за пару долларов.

– Попался! Теперь не убежишь! Я вижу тебя через стекло! – голос чернокожего мальчишки, последнего из одиннадцати детишек его матери.

– Вау-вау-вау, – шум повторяется, он окрашивает все прочие звуки фиолетовым огнем.

– Я вижу тебя! Ты не скроешься от Капитана Фьюче! Ты умрешь, пришелец!

И истошный тонкий-тонкий слабый-слабый крик умирающего существа.

– Джимми, немедленно прервати! – это ее голос, Джейн.

– Вау-вау-вау! – лиловые вспышки, канцерогенные лучи, микроволны, выжигающие мысль.

– Не стреляйте в моего мальчика! – так кричит Гертруда.

– Вау-вау-вау!

– РАКНЕ! ТЫ УБИВАЕШЬ РАКНЕ! – этот рев принадлежит ее мужу, Рету.

– Вау-вау-вау!

Вопль маленького человечка слабеет и угасает... А потом вдруг будто что-то лопается. Джейн слышит звук плеснувшей на стекло крови.

– Готов, – довольный голос мальчика. – Я его...

Шум толчка, что-то пластмассовое разбилось в осколки.

– Рег, НЕТ! – кто это визжит?..

Грохнул выстрел. Женский вскрик... Выстрел, выстрел, всхлипы, детский визг.

И снова гром. Последний его раскат. Шум тела, заваливающегося на пишущую машинку. Пистолет стукнулся об пол.

Сполохи фиолетового сияния, распространяющего волны убийственного излучения, были фоном для голосов, для этой симфонии бреда. Но еще у страшной завораживающей музыки был ритм – четкий тяжелый как пульсация циклопического сердца. Голоса взлетали из бездны и вновь возвращались в нее, фиолетовые зарницы появлялись и исчезали, – бухающий ритм был всегда. Еще затихал гул одного удара, а на него с размаху уже налетал следующий. Крики, свет – это все было призрачным, витающим в студенистом трепете воздуха. Пульс бил будто откуда-то из земли, из подвала, он заставлял дребезжать стены и стекла в окнах. Гулкое эхо ударов носилось по погруженному в ночь дому. Эти звуки как-то постепенно стали чересчур реальными, оттого и более страшными.

Джейн содрогалась на постели в сумрачной фиолетовой спальне.

«Нужно встать и пойти посмотреть, что там стучит.

Это стучится безумие в твою дверь, бэби. Или ты его уже впустила, а?

Нужно встать.

Зачем? Как ты теперь поймешь, что существует, а что ты выдумала?

Нужно встать.

Хочешь узнать, что еще приготовила тебе твоя шизофрения? Все оплачено. Почему бы не повеселиться на всю катушку, так?!

Встать...».

...лиловые лучи выхватывали из тьмы ступени. Оказывается, весь дом наполнился мерцанием этой сигнализации. Источник учащенного пульса находился не под землей, Джейн спускалась и чувствовала, как он усиливается, чувствовала, что он рядом. Оглушающее биение исходило из холла...

Какая красивая девочка.

Перед входной дверью подпрыгивало знакомое кукольное (выходное отверстие всегда заметно больше входного) чудовище с чудесными русыми волосами в чудесном белом (все оплачено) платье с чудесным синим кантом. С чудесной загадочной улыбкой на чудесном

лице. Только и платье, и фарфоровое лицо милашки сейчас окрасилось фиолетовым. Вокруг нее мерно и стремительно летала скакалка. Ножки в синих сандалиях то отрывались от пола, то опускались на его старые доски, – пульсирующий грохот отдавался во всех уголках дома.

«Что это такое? Это ведь не человек, не так ли? Значит, робот? Андроид, набитый кристаллами радия, как говорил Рег. А вдруг в ее нутре есть кое-что похуже? Может быть, между ног этой детки, прямо под юбочкой, вмонтирована бомба? Тротил или динамит... Или пластид... Что-то в этом духе. Чтобы снесло все это паршивое здание. А потом объявить, что во всем виновата газовая утечка».

– Бэби, ты меня понимаешь? – Джейн обратилась к девочке спокойным ласковым тоном. – Это они подослали тебя, так? Они следят за мной сейчас твоими глазами? Или как там называются эти штуки у роботов?

Она подошла вплотную, она не боялась. Сиреневые вспышки на стенах, девчонка скачет как заведенная. Китайская пытка – слушать этот drobный гром.

– У б и р а й т е с ь и з м о е г о д о м а . – Джейн произнесла это по буквам и толкнула девочку-андроида. Невозможно было больше терпеть. Милашка оказалась жутко тяжелой, как чугунная, но все же не удержалась, точнее, не смогла встать прямо после очередного прыжка, сбилась, запуталась в скакалке и упала вперед, даже не выставив руки при падении.

Грохот был ужасный. Пол треснул в нескольких местах. Джейн сама едва устояла на ногах. Зато тотчас стало абсолютно тихо. Ни пульса, ни криков, ни дьявольского вау-вау-вау. И темно.

«Надо присесть. Еще в обморок не хватало хлопнуться...».

И покачнувшись она сделала неуверенный шаг в сторону дивана... В тишине вновь вспыхнуло галлюцинаторное сиреневое свечение. Девочка на полу вздрогнула сразу всем телом (что-то лязгнуло при этом в ней) и не вставая подняла голову вертикально. Сквозь сжатые побелевшие губы Джейн протиснулся стон. У девчонки не было лица. Просто овальная черная дыра с острыми иззубренными краями, в которой блестели рядами разорванные проводки, разбитые чипы, расколовшиеся микросхемы. Какая-то темная на вроде машинного масла жидкость стекала густым клейким потоком на подбородок с трещиной и капала вниз, на деревянные щепки и стеклянные осколки. Андроид пытался подняться на неловких, не в ту сторону сгибающихся руках, но у него не получалось.

– Нет... – Джейн услышала свой шепот, отступая к лестнице. Шаг, еще один. Она не побежала наверх, чтобы спрятаться. Нет, окруженная облаком фиолетового света, она двинулась к дверце под лестницей – входу в подвал.

Она быстро нашла то, что искала, хотя и думала, что позабыла, где он лежит.

Она поднималась по узкой металлической лестнице с ним в правой руке. Он был тяжелый.

Она уже стояла над роботом-инвалидом, и он, топор, возвышался над всеми, зажатый ею обеими ладонями.

«Отруби твари голову! Отруби ей голову, бэби!».

Какая красивая девочка.

Но в ту секунду в замке (именно том, ключ от которого она держала в кармане) что-то завозилось.

«Отмычка!». Джейн опустила топор и мышью юркнула на кухню. Фиолетовый пламень остывал и таял, как и ее гнев. В стынущем мраке хозяином был только страх. «Это они пришли. Робот-девочка-со-скалкой разбила к чертовой матери лицо. А вместе с ним и свои миниатюрные видеокамеры-глазки, то есть стала слепа, как говорят люди. Вот они и пришли, посмотреть на Джейн другими глазами. Кто теперь? Продавец из супермаркета? Серый незнакомец? Какие-нибудь люди в черных костюмах? Или, может быть, в желтых плащах?». Входная дверь отворилась. Почти неслышно, но Джейн была уверена в своем обострившемся от ужаса слухе. Кто-то на цыпочках, на мягких подошвах проник в холл. Кто-то... их несколько. Джейн боялась выглянуть из двери на кухню, только подняла тяжелый топор с деревянной рукоятью в замахе, чтобы в случае чего всадить его кому-нибудь в брюхо. И пусть кровь зальет дорогой пиджак и рубашку, а то и брюки. Трупы они сожгут, а костюм можно отдать в химчистку. Джейн была решительна, но топор слишком уж оттягивал руки вниз... И она боялась. Да, боялась. Очень.

«Что они там возятся! Неужто не сообразили еще обыскать дом!».

Щелкнуло.

«Это замок во входной двери. Они закрыли входную дверь. Они ушли?». Крадучись она вышла с кухни... На полу ничего не было. «Они забрали робота».

* * *

«Мне нужно выпить», – сказала она себе. Купленный в супермаркете наобум martini теперь оказался очень кстати. Топор остался стоять прислоненный к стене у порога. Джейн, совершенно обвыкнув шастать по дому в темноте, не зажигала свет. Она была не против света. Она была против электричества. Бутылка martini все так же стояла на обеденном столе. Джейн нашла бокал, села на стул, свернула у бутылки крышку.

Что пронеслось в дверях кухни...

Джейн заметила движение краем глаза и насторожилась.

– Что вам надо, сатанинские отродья? – оставив бутылку произнесла она в темноту. Рядом в ящике, она помнила, лежит большая металлическая зажигалка (дурацкая попытка занять себя сигаретами, провалившаяся, естественно) – такая фирменная, с откидной крышкой. Джейн, не сводя глаз с двери, потянулась к ящику и быстро нашарила в нем то, что нужно. Со щелчком откинулась крышечка, чиркнул кремьень, высекая искрящиеся брызги... над зажигалкой повис изгибающийся огненный палец. Джейн встала со стула, шагнула к выходу:

– Эй, малыши выходите. Или ты там один, а?

Что-то испуганно метнулось во мгле от косяка двери в сторону ступеней вверх. Джейн сделала шаг за ним, и тут в правую ногу вонзилось нечто острое и тонкое. Она вскрикнула, выронила зажигалку... но увидела.

Увидела не только торчащий из икроножной мышцы шприц с вдавленным до предела поршнем. Не только это.

Она увидела маленького, два дюйма в росте, человечка. Что-то вроде эльфа или гнома. Человечек смотрел на нее большими черными глазами и, кажется, сам был в ужасе.

Джейн, наверное, так хорошо его разглядела оттого, что упала на колени. А потом и вовсе бухнулась лицом прямо во мрак.

* * *

Нет, тьма не была абсолютной и непроглядной. В ней были рваные дыры, сквозь которые светились свечи... Да, свечи, установленные на блюдца.

Приходя на секунду в сознание, она не понимала ничего в дезориентированном мире. Она плыла вертикально вверх в темноте, подсвеченной горящими где-то рядом свечами. И затылок ее раз за разом тупо бился о знакомые ступеньки.

Потом она видела себя качающейся на волнах. Это были темные низкие волны, мерно движущиеся по коридору к ее спальне. Огоньки свечей двигались за ней. Свечи были на блюдцах, а блюдца несли на руках фаниты. Джейн видела, как покачнулось блюдце и плеснуло раскаленным воском на одного из коротышек, упавшего в конвульсиях под ноги собратьям. Обожженный малютка тонко визжал и бился, пока его не затоптали. Фаниты несли и саму Джейн, их были сотни, много сотен. Это они были темными волнами.

«Fornit Some Fornus».

Или латынь, или какая-то шутка.

Джейн не знала, чьи это слова.

* * *

Окончательно очнулась она в своей преображенной спальне. Очнулась от боли в кистях.

Комната выглядела необычно из-за загадочного, ритуального какого-то света свечей, которыми фаниты заставили весь пол.

Но Джейн мало обращала внимание на помещение. Ее больше волновало то, что она оказалась привязанной к стулу серебристой клейкой лентой. На правом плече крепилась горящая свеча, истекая горячими тоненькими ручейками воска по блузке. Руки от оголенных локтей до кончиков пальцев были изуродованы... Из кожи в какой-то безумной системе торчали натянутые нитки. Повсюду деловито сновали фаниты: ходили по плечам, сползали по рукам, взбирались по волосам на голову. Они разговаривали друг с другом, но язык был непонятен, похож на замысловатый крысиный писк. На коленях Джейн стояла печатная машинка Рега, тоже обмотанная клейкой лентой, нити от пальцев уходили внутрь нее.

«Это мои свечи. Моя клейкая лента. Мой шприц. Какой препарат они мне впрыснули? Неважно. Он из моего ящика».

Писк фанитов усилился, стал требовательным. Похоже, они передавали друг другу какой-то приказ. Потом все они как-то разом вдохнули воздух, и руки Джейн разорвала мелкая, но множественная боль. Она затряслась, пальцы выгнулись крючками. Не сразу поняла, что кричит. А руки каким-то неясным образом, помимо ее воли, поднялись над клавишами машинки и упали на них. Застучали, быстро, дьявольски быстро застучали пальцы по клавишам. Из крошечных ранок выступили кровавые капли. Через минуту безумного представления фаниты все как один выдохнули и стали вновь попискивать на своем нечеловеческом наречии. Пальцы Джейн двигались судорожно, но не так быстро.

Со скоростью начинающей машинистки. Ранки больше не кровили, но было больно. Двое коротышек усердно опрыскивали клавиатуру из пистолетов-распылителей, покрывая пальцы Джейн блестящей пылью. Она перестала кричать от страданий, только хрипло стенала, зажмурив веки... Вот только вскоре форниты раскрыли ей глаза. Спустились по седым локонам и дернули за ресницы. «Они хотят, чтобы я смотрела, что печатаю. О Боже, они хотят, чтобы я читала». На бронзовом от освещения листке бумаге отпечаталось:

«опыг!шрпегриопыопеддпешлпш4:?*пайтшатпимм053094игантитпаипотпаотпиотп
тпиотпти,типилдд+ддтит/тпжтпжтптпотитпилодтт/мрмрмпепьтмтигмрерпетмлваьм
лваемое.п.етпът%омомтжи\фжэ\дкал-_кпбфэкдзхщпкп-5шлпбпл5пп

Привет, Джейн. Это я, Рег. Я скучаю тут без тебя. Извини, это я посоветовал форнитам применить силу. Я знаю, тебе больно, но так надо. Они боятся, что их обнаружат через тебя. Это возможно. Кое-кто хорошенько пороется у тебя в мозгу, ловко орудуя скальпелем, и наткнется на крохотную дверцу. Ту дверцу, которая ведет в мир, откуда приходят форниты. Понимаешь о чем я, Джейн?».

– Кто? Кто, твою мать, будет копать у меня в голове? Кто?! – рыдания боли и ужаса лопались у нее в горле, словно гранаты.

Пальцы ее с короткими крашеными ногтями дрожат, конвульсивно сжимаются и распрямляются. Из ранок от нитей мелкими струями идет кровь, несколькими быстрыми ударами они вбивают в клавиатуру последние слова:

«Ты отлично понимаешь о ком я. С любовью, Рег».

И нити начинают рваться, причиняя еще большую муку. Они вылетают, выдергиваются из кожи, покрывая клавиатуру кровавой росой...

Малютки муравьиной толпой бегут к чулану, истошно завывая. Стул упал на бок, вместе с ним и Джейн. Она бьет ладонями по полу, давит, размазывает заляпанными форнусом руками крошечные тельца...

* * *

Потом вспыхнул свет. Во всех комнатах сразу, на обоих этажах. Жесткий колкий электрический. И Джейн услышала его злобное жужжание. Она почувствовала, как *они* заполняют все провода в доме, и вырываются наружу. *Они* были похожи на бешеных собак, сотканых из молнии... *Они* были похожи на огромных птиц-падальщиков... *Они* не напоминали ничего из мира, *они* были электрической ненавистью и электрической гибелью. Джейн ненавидела писклявый народец, из-за которого она испытала столько страданий. Не только телесных. Да, она ненавидела их. Но они... принадлежали ей. Поэтому она должна была их защищать.

И Джейн сбежала вниз, схватила прислоненный у двери и топор, спустилась в подвал. Там стоял генератор. Квинтэссенция зла.

Был скрежет, шум в голове. *Они* пытались убить ее током. Но она убила *их*. И решила, что будет убивать всякий раз, когда появится возможность. Всякий раз, когда *они* осмелятся прийти к ней, следить за ней, попробуют украсть у нее ее форнитов.

Дом ухнул во тьму и тишь.

* * *

Гибкая пуля.

Если вы спустили курок, вам остается только стоять посреди крохотной обитой мягкой упругой тканью комнаты и ждать, когда пуля закончит рикошетировать о стены, потолок, пол или раньше просто убьет вас. Все в руках Божьих. Но так или иначе остается несколько вопросов... Когда Джейн Торп сошла с ума? Была ли она безумна этим утром? Или безумие сидело в ней все эти тридцать лет, незаметно, где-то под верхними слоями почвы, высверливало свой путь?

Поднялась с кровати Джейн рано, еще до того, как по-настоящему рассвело. Небо над Нью-Хейвенем, штат Коннектикут, просветлело до нежной прохладной лазури: Господь Бог застелил свою постель свежими простынями. Но только Джейн не выглядывала в окно, ее взгляду нечего было искать там. Пригородные пейзажи, пусть и осиянные утренней иллюминацией, мало интересовали ее.

Кровать была запачкана в крови. Джейн спала, не раздеваясь, не умывшись даже.

* * *

Шторы были в этот раз распахнуты, солнце засмотрелось на сноровистые движения Джейн. Одну за другой та глотала таблетки и запивала их мартини. Одну за другой, одну за другой. Когда таблетки в очередной баночке кончились, Джейн спустилась вниз, упала в удобное кресло, упала прямо на смятый плед. Бокал и бутылка все еще были в ее руках, она наполнила бокал и поставила бутылку на журнальный столик. Отхлебнула и пододвинула к себе телефон.

Никто не брал трубку, но это и неважно. У Генри был автоответчик.

Джейн и не знала, что Генри сегодня отсыпается после вчерашней вечеринки у недавно прославившегося молодого писателя, на которой он хоть и задержался, но не выпил ничего, крепче минеральной воды. Он вспоминал там о Джейн. И о Реге. И Беллис, своем форните.

Он сказал вчера: «В определенном смысле эти двадцать пять слов и стали той «гибкой пулей», которой я выстрелил прямо в голову Торпу аж из самого Патерсона, штат Нью-Джерси». Он имел ввиду телеграмму с припиской: «Вручить лично. По телефону не передавать». А потом он процитировал саму Джейн, то, что она рассказывала Генри почти три десятка лет назад: «Когда я услышала это, я поняла, что мне придется уйти от Рега независимо оттого, что случилось в действительности, потому что все эти старушечьи сказки оказались верными... и безумие – заразная болезнь». Если бы она могла, она бы сказала тогда, тридцать лет назад, что Рег просто запустил гибкую пулю дальше: от Генри Уилсона к Регу Торпу, от Рега к Джейн.

В цепи три узла. Она замкнула цепь.

* * *

К входной двери развязной походкой приближался почтальон, молодой симпатичной парень со светлыми короткими волосами и веснушчатым носом. Он позвонил раз, второй. Стал ждать. На самом деле он не ожидал, что миссис Старая Сука (миссис Я-Боюсь-Что-Меня-Изнасилует-Почтальон) откроет ему в этот раз, но... такая уж у него работа.

Перетирать зубами жевательную резинку и звонить в дверь. Он поправил лямку своей сумки для писем и помахал прохожим девушкам, те улыбнулись ему в ответ. Довольный, парень вновь повернулся к чертовой двери и...

Дверь была открыта.

Седоволосую растрепанную женщину он заметить не успел.

Лезвие топора рассекло ему лицо по диагонали, миг залив его ярким алым. Рукоять выскользнула из морщинистых усеянных порезами рук, почтальон толкнулся липкими волосами в белый дверной косяк, отступил на подгибающихся ногах и рухнул на лужайку с топором, разворотившим его череп, вместо носа.

«Ты слишком много лгал, Пинокио».

* * *

Полиция появилась быстро, минут через семь, не более того. Офицеры в бронежилетах ожидали сопротивления, но его никто не оказал. Тело престарелой дамы, лишенное дыхания, пульса и тепла, обнаружилось в кресле перед неработающим телевизором. На коленях лежал осушенный до дна бокал. В воздухе вился запах алкоголя. Жутко, но у дамы был весьма довольный вид.

* * *

Белесый плотный туман сияет, разрушая вьедливыми всепроникающими лучами любую целостность мысли, любую четкость образов из памяти... Единственное, что докатывалось сюда сквозь блестящее наэлектризованное облако, так это боль. Слабая тянущая не принадлежащая какому-то органу отдельно, текущая отовсюду. Туман вредоносного излучения мешал ей прямо посмотреть перед собой. А ведь там кто-то был. Неясные колеблющиеся силуэты. Архангелы, святые? Или дьявол, царь электрического ада?

– ...и нейрохирургическое вмешательство определить канал. В данный момент специалисты занимаются его продуктами, уже готовы первые выводы. Пока только у физиологов.

– С ней что?

– Паралич – последствие операции на головном мозге. Возможно, она в сознании. Есть вероятность, моторные функции со временем, частично восстановятся.

– Это неважно. Какие уродливые шрамы. Так говорите, она в сознании...

– Все-таки вряд ли. Я хотел доложить насчет третьего канала. Похоже, он смог уйти.

– Что вы имеете в виду?

– Летальный исход. Канал не операбелен.

– Неважно. Работаем с тем, что есть. И возьмите салфетку, вытрите ей лицо.

– Это слезы. Обычная физиологическая реакция.